

УДК 81'33

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-48-60>

Оригинальная научная статья

Архетип «жертва»: ироническая виктимизация в текстах рассказов Сомерсета Моэма

Е. С. Баранова

Забайкальский институт железнодорожного транспорта,
Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Чита, Российская Федерация
✉ evgeniya_chita@mail.ru

Аннотация

Лингвистика текста как современное направление способна выявить архетипическую суть сюжетной линии авторского текста. Тексты коротких рассказов британского писателя Сомерсета Моэма в данном аспекте являются примером синергии авторских сюжетов и архетипического подтекста, обусловленного смысловым посылом самого автора как «метаморфозы» сюжета. Статья посвящена анализу особенностей иронической виктимизации в текстах рассказов, а также описанию архетипического концепта «жертва», который служит ключом к пониманию глубинных смыслов, заложенных в текстах рассказов С. Моэма. В статье приводятся примеры из рассказов, что позволяет выявить универсальные паттерны и специфические характеристики иронической виктимизации в контексте дискурс-анализа. Цель достигается посредством разрешения нескольких задач, а именно: исследовать особенности использования архетипа «жертва» в текстах коротких рассказов С. Моэма; проанализировать роль иронии в формировании образов персонажей и их взаимодействий; оценить влияние ироничной виктимизации на восприятие Читателем моральных норм и человеческой природы. Выяснилось, что в текстах рассказов С. Моэма возможно выявить два типа образов персонажей, коррелирующих с признаками архетипического концепта «жертва» – «истинные» жертвы и «ложные» жертвы. При этом выявляется сложность сюжета (сценария) в коротких рассказах С. Моэма, когда так называемая «ложная жертва» в процессе повествования «превращается» в «истинную жертву», обнаруживая тем самым категорию иронической виктимизации сюжета (сценария). В текстах рассказов С. Моэма, такая «метаморфоза» образов персонажей не только подчеркивает внутренние конфликты персонажей и акцентирует внимание на социальных и культурных обстоятельствах, в которых они находятся, но и предоставляет новые возможности для осмысления более обширных тем, касающихся человеческого существования и моральных дилемм. В статье анализируются тексты коротких рассказов: «The Mother», «Rain».

Ключевые слова: сценарий, «ложный» / «истинный» образы, ироническая виктимизация, архетип, ирония, Сомерсет Моэм, текст, «The Mother», «Rain»

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Баранова Е. С. Архетип «жертва»: ироническая виктимизация в текстах рассказов Сомерсета Моэма. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 48–60. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-48-60

Original article

The archetype of the “victim”: ironic victimization in the texts of Somerset Maugham’s short stories

Evgenia S. Baranova

Zabaikalsky Institute of Railway Transport (branch) of Irkutsk State Transport University,
Chita, Russian Federation

✉ evgeniya_chita@mail.ru

Abstract

Text linguistics, as a modern discipline, is capable of revealing the archetypal essence of the narrative structures within the author’s text. The short stories of Somerset Maugham, in this regard, serve as an example of the synergy between the author’s plots and the archetypal subtext, shaped by the semantic message of the author as a “metamorphosis” of the narrative. The article is devoted to the analysis of the features of ironic victimization in the texts of the stories, as well as the description of the archetypal concept of “victim”, which serves as a key to understanding the deep meanings embedded in the texts of S. Maugham’s stories. The article provides examples from short stories, which allows us to identify universal patterns and specific characteristics of ironic victimization in the context of discourse analysis. The goal is achieved by solving several tasks, namely: to investigate the features of the use of the archetype “victim” in the texts of short stories by S. Maugham; to analyze the role of irony in the formation of images of characters and their interactions; to assess the impact of ironic victimization on the Reader’s perception of moral norms and human nature. It has been determined that in Maugham’s stories, two types of character images correlating with the characteristics of the “victim” concept can be identified – “true” and “false” victims. Furthermore, the complexity of Maugham’s narrative is revealed, as the so-called “false victim” gradually “transforms” into a “true victim,” thereby embodying the category of ironic victimization within the plot. In the texts of S. Maugham’s short stories, such a “metamorphosis” of the characters’ images not only highlights the character’s internal conflicts and focuses on the social and cultural circumstances in which they find themselves, but also provides new opportunities for understanding broader topics related to human existence and moral dilemmas. The article focuses on the texts of the short stories “The Mother” and “Rain”.

Keywords: script, “false” / “true” images, ironic victimization, archetype, irony, Somerset Maugham, text, “The Mother”, “Rain”

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Baranova E. S. The archetype of the “victim”: ironic victimization in the texts of Somerset Maugham’s short stories. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 48–60. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-48-60

Введение

Архетип «жертва»/«victim» является одной из ключевых концепций в области лингвистики текста, способствующих исследованию глубинных психологических,

социальных и культурных аспектов человеческого существования. В художественных текстах этот архетип служит мощным инструментом для раскрытия внутренних конфликтов и динамики взаимоотношений между героями-персонажами. В данном контексте особое внимание заслуживают тексты коротких рассказов Сомерсета Моэма, где виктимизация зачастую приобретает ироничный оттенок. С. Моэм, мастерски владея искусством повествования, использует архетип «жертва» не только для создания драматических ситуаций, но и для того, чтобы подчеркнуть сложность человеческой природы и неоднозначность моральных норм.

Статья посвящена анализу текстов нескольких рассказов У. Сомерсета Моэма с позиции лингвистики текста. Основное внимание уделяется феномену иронической виктимизации сюжета, который раскрывает сложные взаимодействия между героями-персонажами и их внутренними мотивами. Автор через призму иронии и сарказма бросает вызов традиционным представлениям о жертве, предлагая Читателю задуматься о границах между добром и злом, силой и слабостью. В статье также рассматривается влияние социального контекста на формирование образов героев-персонажей, а также роли Автора и Читателя в процессе интерпретации текста.

Целью работы является выявление и анализ особенностей иронической виктимизации, а также описание архетипического концепта «жертва», который служит ключом к пониманию глубинных смыслов, заложенных в текстах рассказов С. Моэма. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: исследовать особенности использования архетипа «жертва» в текстах коротких рассказов С. Моэма; проанализировать роль иронии и сарказма в формировании образов персонажей и их взаимодействий; рассмотреть, каким образом Автор бросает вызов традиционным представлениям о жертве; оценить влияние ироничной виктимизации на восприятие Читателем моральных норм и человеческой природы.

Языковым материалом являются англоязычные тексты коротких рассказов Сомерсета Моэма «The Mother / Мать» и «Rain / Дождь». Для анализа данных текстов нами использовался метод контекстуального анализа, метод дискурс-анализа, позволяющий выявить и описать элементы дискурса наряду с описательным методом. Метод дискурс-анализа текста, помимо выявления элементов связности текста, также способствовал формулировке выводов относительно влияния ироничной виктимизации на восприятие архетипа «жертва», что позволяет выявить авторский замысел при создании рассказа.

В данной статье мы опираемся на категорию модальности как одну из базовых категорий языка, мышления и логики. Категория модальности выражает точку зрения Автора текста, определяя тем самым отношение содержания высказывания к действительности. Категория модальности (от лат. *modus* – мера, способ) присутствует в разных языках, имеет разные формы лексического выражения [1].

Также известно, что модальность в логике – это «категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания»; модальность в лингвистике – это «грамматическая категория, выражающая формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т. п. отношение говорящего к содержанию высказывания» [2]. На основании этого в рамках данной статьи мы опираемся и на аксиологический подход, который затрагивает вопросы логики и текста.

Архетип «жертва»: ироническая виктимизация

Настоящая статья продолжает наше исследование текстов С. Моэма в качестве лингвистического материала [3–5], акцентируя внимание на анализе художественного дискурса в контексте архетипа «жертва» и иронической виктимизации.

Общее представление о том, что включает в себя ирония, ясно большинству людей, однако данное понятие на удивление неопределенно [6]. Со времен Сократа значение этого термина значительно изменилось и вошло в XX век как признак всей хорошей литературы.

Область применения иронии расширилась и включает не только остроумие и юмор, но также то, что мы сейчас называем драматической, трагической и ситуационной иронией. Тем не менее, все виды иронии объединены одним общим принципом: контрастом или парадоксом, поскольку ирония – это способ как мышления, так и языка признать противоречие между ожиданием и реальностью [7].

В последние десятилетия, в связи с поворотом лингвистики к исследованию целостного текста, дискурса – «текста, погруженного в ситуацию» [8], интерес лингвистов к данному феномену стремительно возрос. Это внимание к иронии как к многозначному и контекстуально зависимому явлению создает основу для дальнейшего анализа более сложных смысловых структур, таких как архетипические концепты.

В этом контексте любопытно мнение А. Машаевой о соотношении смысла и архетипического концепта, согласно которому «архетипический концепт – это саморазвивающаяся смысловая (синергетическая) система». Особенность смысловой структуры архетипического концепта (АК) заключается в ее неоднородности. Это обусловлено, по нашему мнению, тезисом Ю. С. Степанова, что в обширном поле культуры эволюционные ряды культурных явлений могут быть подразделены на чисто концептуальные ряды, чисто материальные ряды, смешанные концептуально-материальные ряды [9].

В текстах С. Мозма при детальном рассмотрении логики сюжетной канвы мы также, возможно, «сталкиваемся» с манифестацией архетипического концепта как некой смысловой системой, имея в виду авторский сюжет (сценарий) короткого рассказа.

Архетипический концепт «жертва» в сюжетах Мозма условно «зашифрован» посредством использования категории т. н. «иронической виктимизации». Во-первых, попробуем описать то, что имеем в виду под иронией вообще.

Ирония, как многофункциональное явление, рассматривается с разных точек зрения: как вид юмора (В. И. Карасик, Е. Л. Шмелева, А. Д. Шмелев); как форма «оценочного, критического, эмоционального освоения действительности» (С. И. Походня); как феномен культуры (В. М. Пивоев); как вид тропа (О. С. Ахманова) и как вид языковой манипуляции (О. П. Ермакова).

Согласно И. А. Антонио, ирония – это семантический механизм переключения между отрицательной и утвердительной модальностями одного и того же высказывания (слова, словосочетания, предложения), или положительной и негативной оценкой объекта высказывания, осуществляющийся при помощи интонации, контекста (как текстового, так и экстралингвистического) [10]. Коммуникативная цель иронических высказываний может варьироваться от «выражения сомнения» до «дискредитации адресата». Смех может возникнуть как незапланированный перлокутивный эффект, но только у косвенного адресата. Имплиcitный характер негативной оценки делает возможным признать иронию «скрытой речевой агрессией» [11].

Наиболее распространенная классификация иронии представляет собой ее разделение на вербальную, ситуативную и драматическую. Вербальная ирония – это своего рода несоответствие между тем, что сказано, и тем, что подразумевается; ситуативная ирония возникает, когда конечный результат ситуации, описанной в рассказе, отличается от того, что ожидают читатели. Когда вводится драматическая ирония, читатели делятся знаниями о настоящем и будущем

персонажа, но действия самого персонажа совершенно не соответствуют реальным обстоятельствам.

Таким образом, этот парадокс лежит в основе любого примера иронии.

Ирония – это «семантический механизм переключения между отрицательной и утвердительной модальностями одного и того же высказывания» [6], по-другому, «использование» иронии в сюжете проявляет категорию модальности текста.

Понимая под категорией модальности манифестацию смыслов, логических штампов, авторских умозаключений и т. д. [12], мы полагаем, что тексты С. Моэма в аспекте дискурс-анализа текста, особенно художественного, возможно «дешифровать» посредством описания такого элемента как ироническая виктимизация [13].

Автор включает этот элемент как через слова или мысли персонажей и рассказчиков, так и через другие структуры, такие как обстановка, исторический и тематический фон. Парадоксальность хода сюжета Моэма любопытна еще и тем, что подкатегория ироническая виктимизация способна «вовлечь» и Читателя в сюжетную линию текста.

К примеру, если Читатель ошибочно истолковывает (как будто бы) иронические намерения автора (или наоборот, когда ирония читается там, где она не подразумевалась), это иллюстрирует наличие элемента непреднамеренной виктимизации сценария (сюжета) в сознании Читателя. Читатель может стать жертвой иронии в двух случаях: когда не заметил иронического парадокса и когда ирония намеренно направлена против него: Автор скрывает свои действительные убеждения, так что Читатель не может однозначно распознать, что над чем иронизирует.

Не менее важно пояснить, что выражение «жертва/ victim иронии» может показаться несущим сильную негативную коннотацию, однако в литературе, посвященной изучению иронии, оно воспринимается как нейтральный литературный термин. Д. К. Мюке явно использует слово «жертва» в своей работе «Ирония и ироничное» и представляет жертву как антагониста ирониста [14]. Аналогичные идеи высказывает В. Д. Вишневская, которая выделяет трех участников иронической ситуации: говорящего или ирониста, слушателя или жертву и аудиторию или оценивающего [15]. Она также признает жертвой иронии невинного человека. Нортроп Фрай также использует термин «жертва иронии» в своей работе «Анатомия критики» и проводит различие между трагической (абсолютной) и ироничной (выбранной случайным образом и заслуживающей того, что с ней происходит) жертвами [16]. Он называет такую фигуру типичной жертвой – фармакосом.

Понятие «farmacoí/фармакос» пришло из Древней Греции, где во времена бедствий или календарных кризисов выбиралась жертва и проводилось ритуальное изгнание, которое, как считалось, поможет городу очиститься, а остальная часть населения будет спасена. Истории с участием мифических фармакосов могут быть объединены общим сюжетом: один из персонажей (жертва) опускается до состояния низших каст общества. Чтобы подчеркнуть «худшую сторону» фармакоса, обычно вводится другой персонаж с гораздо более высоким статусом. Изгнание, смерть или нисхождение (по крайней мере, символическое) является традиционным финалом истории фармакоса. Наличие значительного числа этих тем позволяет идентифицировать исследуемого персонажа как жертву. Легенды о фармакосах, появившиеся в Древней Греции, дошли до наших дней, и мотив жертвы очень силен, и со временем он стал одним из самых мощных архетипов, сохранившихся до наших дней. Следовательно, ирония в сценариях о жертве возникает из парадокса ожидания читателем неизбежного падения

жертвы и противоположного развития сюжета. В нашем случае, тексты С. Моэма посредством категории иронической виктимизации обнаруживают, с одной стороны, обращение Автора к архетипическому концепту «жертва», с другой стороны, проявляется категория модальности текста. Проиллюстрируем это положение примерами из текстов Автора – С. Моэма.

Согласно этимологическому словарю английского языка, жертва / victim – это «living creature killed and offered as a sacrifice to a deity or supernatural power, or in the performance of a religious rite; person oppressed by some power or situation» [17]. «Жертва / victim» в тексте рассказов олицетворена образами-персонажами, которые обладают признаками «фармакоса»: принадлежность к низшему классу, девиантное поведение, неприятие их остальной частью общества. Данный образ персонажей можно встретить в текстах коротких рассказов «Rain / Дождь», «The Vessel of Wrath / Сосуд гнева», «Before the Party / Собираясь в гости», «The Mother / Мать» и др.

В рассказе «The Mother / Мать» рассказывается о женщине по имени Ла Качирра, которая, движимая ревностью, совершает убийство возлюбленной своего сына. В начале повествования Читатель узнает, что она недавно освобождена из заключения, отбыла семилетний срок за убийство. В подобных обстоятельствах индивид нередко становится социальным изгоем, что объясняет негативное восприятие Ла Качирры окружающими. Усугубляя свое положение, она сознательно дистанцируется от соседей и открыто отвергает какие-либо попытки установления контакта. Тем самым Автор текста «рисует» образ «фармакоса», описав причины ее социального изгойства.

Другой причиной нежелания мириться с изгоями является инвалидность или уродство «фармакоса». Внешность Ла Качирры столь же непривлекательна, как и ее личность, и Моэм недвусмысленно описывает это: «haggard and very thin, with bony hands and fingers like a vulture's claws / изможденная и очень худая, с костлявыми руками и пальцами, похожими на когти стервятника», «teeth that were pointed like those of a beast of prey / зубы были заострены», «her eyes [...] shone fiercely / ее глаза [...] яростно сверкали», «Her face bore an expression of such ferocity that no one dared come near to speak with her / На ее лице застыло выражение такой свирепости, что никто не осмеливался приблизиться и заговорить с ней» [18, с. 237]. В результате создается архетипически легко идентифицируемая фигура жертвы (социального изгоя): физически непривлекательная женщина и бывшая заключенная, отвергаемая обществом. По мере развития сюжета такой негативный образ вступает в контраст с ее ролью матери, особенно в сценах ее взаимодействия с сыном. Автор акцентирует внимание на реакции окружающих, наблюдающих за данной сценой, демонстрируя противоречие через их восприятие: «The woman threw her arms round his [son's] neck and kissed him passionately. She fondled him and with a loving gesture stroked his face with both her hands. The girl and the mother who watched would never have thought her capable of such tenderness / Женщина обвила руками шею сына и поцеловала его. Она приласкала его и любовным жестом погладила его лицо рукой. Девушка и мать, которые наблюдали за происходящим, никогда бы не подумали, что она способна на такую нежность» [18, с. 239].

Эта сцена невольно вводит Читателя в заблуждение. Женщина, демонстрирующая безразличие к своему ребенку, вызвала бы значительно более отрицательную реакцию, чем та, которая чрезмерно заботлива и любвеобильна. Тем не менее у Читателя возникают амбивалентные чувства. Сомерсет Моэм не акцентирует внимание на материнских эмоциях, которые героиня испытывает по отношению к своему сыну, за исключением этого единственного небольшого эпизода. Напротив, акцентируется внимание на ее нецивилизованной, животной ревности: «she could not bear him to look at a woman and she writhed at the bare idea that he might pay court

to some girl / она не могла вынести, когда он смотрел на женщину, и ее корчило от одной мысли, что он может ухаживать за какой-нибудь девушкой» [18, с. 240], «when she saw Rosalia's provoking glance and Currito's answering smile, rage leap to her throat / когда она увидела вызывающий взгляд Розалии и ответную улыбку Куррито, ярость охватила ее», «stood [...] with fury gnawing at her heart / стояла [...] с яростью, гложущей ее сердце» [18, с. 240], «her eyes glowed like coals of fire and she felt them burning in the sockets; but no one noticed her, and she gave a groan of rage / ее глаза пылали, как огненные угли, и она чувствовала, как они горят в глазницах; но никто не замечал ее, и она издала стон ярости» [18, с. 243] и т. д.

Единственный пример проявления материнской нежности у Автора являет собой пример иронической виктимизации данного образа. Таким образом, Моэм увеличивает разрыв между ожиданиями Читателя и реальностью, которую он рисует, демонстрируя силу архетипа «жертва». В итоге возникает диссонанс в процессе стереотипных ожиданий Читателя и концовкой рассказа как авторской модальности с точки зрения дискурса текста рассказа.

Известно, что женщины стереотипно изображаются как слабые, зависимые существа, которые не способны совершить акт настоящего насилия, поскольку «агрессивная женщина – это не «нормальная» женщина» [19]. Вероятной реакцией Читателя на концовку сюжета является наличие иного смысла, вложенного Автором в образ женщины, разрушающий все стереотипы. Таким образом, архетип «жертва» описанный как таковой, является парадоксом, вытекающим из ожиданий Читателя относительно персонажа, сформированного на основе глубоких гендерных предубеждений, который возникает у Читателя посредством иронической виктимизации.

Финал классических сюжетов о «фармакозах» включает их убийство или вечное изгнание. Образ Ла Качирры в тексте рассказа «The Mother / Мать» иллюстрирует тезис о присутствии в смысловом содержании архетипического концепта «жертва» двух амбивалентных начал: «истинной жертвы» и «ложной жертвы». В финале казалось бы «истинная жертва» в образе женщины-изгоя по иронии судьбы сама становится насильником, т. е. Автор «превращает» ее образ в образ «ложной жертвы». Ла Качирра не только не сожалеет о совершении преступления, но и ликует по поводу своей победы: «her eyes shone with triumph / ее глаза сияли торжеством» [18, с. 247].

Таким образом, С. Моэм посредством иронической виктимизации, по-другому переворачивая сюжет вопреки стереотипам и ожиданиям Читателя, заставляет его размышлять об истинности / ложности восприятия смысла текста, равно как и сюжета или персонажа.

В тексте рассказов «The Unconquered / Непокоренная», «Before the Party / Собираясь в гости» и «The Footprints in the Jungle / Следы в джунглях» рассматривается схожая тема: женщина, совершающая агрессивные действия, связанные с убийством, что бросает вызов традиционному стереотипу о женщине как о существе неагрессивном. Патриархальные структуры, доминировавшие в большинстве обществ, привели к неравному восприятию ролей мужчин и женщин. Мужчины ассоциируются с силой и умом, в то время как женщины считаются их более слабыми аналогами.

Таким образом, можно предположить, что С. Моэм с иронией ставит под сомнение стереотипы о слабой женщине, не способной на насилие, и жертвы (изгоя), который слабеет под бременем общества.

В текстах рассказов Сомерсета Моэма часто наблюдается сложная структура повествования, в которой фигурируют как «истинные», так и «ложные» персонажи-жертвы, создавая многослойные мишени для иронии. «Ложный» образ

жертвы вовлекает Читателя в своеобразную ловушку, где Читатель сам становится объектом иронии, в то время как «истинная» жертва, служащая источником дополнительной иронии, призвана вызывать эмоциональные отклики у аудитории. Примером такого сценария послужит текст рассказа С. Моэма – «Rain / Дождь». Первый ироничный случай в тексте рассказа имеет ситуативный характер: герои не намерены оставаться в Паго-Паго, но вынуждены сделать это из-за вспышки кори на соседнем острове, куда они планировали отправиться. Усиливает напряжение ироничная природная деталь – непрекращающийся дождь, который становится символом неизбежной коммунальной катастрофы, типичной для нарративов о жертвах обстоятельств.

Сценарий, включенный в начало рассказа «Rain / Дождь», распределяет роли персонажей согласно модели фармакоса. Преподобный Дэвидсон рассказывает о Фреде Олсоне, датском торговце, который обитал на островах задолго до миссионеров. Олсон представлен как человек, неверный своей жене, склонный к пьянству и коррупции, что создает контраст и подчеркивает моральные и культурные конфликты в рассказе. Мистер Дэвидсон говорит, что этому человеку был дан шанс «to mend his ways / исправиться» [20], но он отказался. Из следующего отрывка очевидно, что преподобный нашел способ заставить Олсона измениться: «In two years he was a ruined man. He'd lost everything he'd saved in a quarter of a century. I broke him, and at last he was forced to come to me like a beggar and beseech me to give him a passage back to Sydney / за два года он превратился в разоренного человека. Он потерял все, что накопил за четверть века. Я сломил его, и в конце концов он был вынужден прийти ко мне, как нищий, и умолять меня дать ему билет обратно в Сидней» [20].

В тексте рассказа персонаж Фреда Олсона репрезентирует собой архетип «жертва». Это обусловлено не только его социальным статусом как «низшего», но и его стремлением покинуть город, что можно интерпретировать как добровольное изгнание. Образ мистера Дэвидсона в рамках аксиологического подхода конструируется как фигура более высокого социального статуса, «высшего», что усиливает контраст между ним и фармакосом. Более того Дэвидсон выполняет роль катализатора, усугубляющего положение жертвы, создавая для нее невыносимые условия существования. История выполняет функцию предвосхищения в нарративной структуре классического сюжета о жертве; данный флэшбэк раскрывает методы, применяемые преподобным, и предвещает аналогичную схему поведения, направленную теперь на мисс Томпсон. Последняя, будучи проституткой, символизирует «низшее», чье поведение воспринимается как деструктивное для социального порядка.

В ряде нарративов наблюдается феномен, при котором перед актом изгнания объекту оказывается доброжелательное обращение; его облачают в эстетически привлекательные одеяния и обеспечивают качественным питанием. Хотя в случае с мисс Томпсон не фиксируется физического преобразования, согласно интерпретации Дэвидсона, она претерпевает значительные трансформации на уровне психоэмоционального состояния. Рассказчик подчеркивает ритуальность процесса: «The whole household, intent on the wretched, tortured woman downstairs, lived in a state of unnatural excitement. She was like a victim that was being prepared for the savage rites of a bloody idolatry / Вся семья, сосредоточенная на несчастной, замученной женщине внизу, жила в состоянии неестественного возбуждения. Она была подобна жертве, которую готовили к диким обрядам кровавого идолопоклонства» [20]. С точки зрения нарративного анализа, начальная экспозиция и последующие трансформации женского персонажа, а также ожидания Читателя, основанные на архетипических представлениях о жертве,

создают предпосылки для социальной изоляции мисс Томпсон. Автор использует риторические средства, чтобы акцентировать внимание на неизбежности данного исхода, вводя в текст неудачные попытки персонажа-доктора Макфейла повлиять на решение преподобного относительно изгнания мисс Томпсон. Однако кульминация сюжета неожиданно нарушается смертью – не «ложной» жертвы, а ее антагониста – мистера Дэвидсона, что представляет собой пример драматической иронии.

С точки зрения лингвистики текста акцентирование на модальности является ключевым аспектом, который позволяет глубже понять структуру и смысловое наполнение сюжета (сценария) рассказа. В данном контексте мистер Дэвидсон олицетворяет «истинный» образ жертвы иронии в рассказе «Rain / Дождь». Модальность текста, представляющая собой совокупность средств, с помощью которых С. Моэм выражает свою позицию и отношение к описываемым событиям и персонажам, играет важную роль в формировании читательского восприятия.

С. Моэм использует различные лексические и синтаксические средства для передачи модальности, что позволяет создать многослойный образ Дэвидсона. Его действия и характеристики, которые на первый взгляд могут показаться положительными, в действительности раскрывают двойственность его натуры. Эта модальность выступает в качестве инструмента, позволяющего показать, как высокие социальные позиции и моральные убеждения могут быть искажены предассудками и эгоизмом.

Таким образом, посредством категории модальности текста в рассказе «Rain / Дождь» нам удалось выявить иронический контраст между внешними атрибутами Дэвидсона и его истинной сущностью, и осознать иронический подтекст, заключающийся в том, что именно персонаж с высоким социальным статусом становится основным источником страдания для других.

Этот контраст, в свою очередь, подчеркивает роль мистера Дэвидсона как носителя идеологии религиозного спасения, что приводит к глубокому конфликту с местной культурой и традициями: «If you leave a mission in charge of a native missionary, no matter how trustworthy he seems, in course of time you'll find he's let abuses creep in / Если вы оставите миссию под руководством местного миссионера, каким бы заслуживающим доверия он ни казался, со временем вы обнаружите, что он допустил злоупотребления» [20]. Преподобный ошибочно полагает, что западные миссионеры обладают иммунитетом к моральным слабостям, присущим местным жителям, что становится причиной его трагического заблуждения. Саморазоблачение мистера Дэвидсона, осознание им собственной подверженности порокам, которые он стремился искоренить, приводит его к решению о самоубийстве, что вносит дополнительный уровень иронии и делает его «истинной» жертвой иронии.

В данном нарративе наблюдается лексико-семантическое противопоставление, в котором мистер Дэвидсон вынужден конструировать идентичность своего внутреннего «я» через призму ироничной добродетели, возникающей в контексте взаимодействия с его антагонистом. Вектор профессиональной деятельности мистера Дэвидсона направлен на коррекцию социальных девиаций, однако он демонстрирует когнитивный диссонанс, не осознавая наличие собственного порока, который постепенно эволюционирует от стремления к доминированию до проявления сексуального влечения. Эта метаморфоза последовательно эксплицируется Автором посредством нарративных стратегий в тексте. Моэм применяет методику, в рамках которой Читатель становится объектом иронической виктимизации. Первичный маркер данного процесса имплицитно присутствует в характеристике мистера Дэвидсона, обладающего чувством «of suppressed fire

/ подавленного огня» [20]. Это описание заканчивается словами: «He was not a man with whom any intimacy was possible / Он не был человеком, с которым была возможна какая-либо близость» [20].

В процессе повторного прочтения рассказа Читатель сталкивается с фразой, которая неизбежно вызывает ироническую интерпретацию, не заметную при первом знакомстве с текстом. В общественном сознании часто доминирует образ человека, глубоко преданного религии, как индивида, сознательно воздерживающегося от сексуальных контактов. Если бы изначально святость и моральное превосходство преподобного Дэвидсона подвергались сомнению, финал истории не обладал бы элементом неожиданности, который стремился создать Моэм. Моэм, будучи приверженцем устойчивой повествовательной структуры, полагал, что все элементы истории должны способствовать неожиданному, но в ретроспективе неизбежному завершению.

Таким образом, мистер Дэвидсон представляет собой образ «истинной» жертвы, поскольку его персонаж претерпевает деградацию по мере развития сюжета, что в конечном итоге приводит к его «изгнанию из общины». Он становится жертвой иронии, на которую Читатель должен эмоционально реагировать с элементом удивления. Акт его самоубийства может интерпретироваться как форма жертвоприношения – добровольное самоустранение из социума с целью его очищения. В противоположность этому мисс Томпсон выступает в образе «ложной» жертвы на протяжении всего сюжета (сценария). Первоначально Читатель убежден в ее неизбежном исключении и наказании, что подкрепляется Автором до момента неожиданного поворота в кульминации. В результате этого поворота и сам Читатель становится жертвой иронии. Этот контраст между «истинной» и «ложной» жертвой подчеркивает сложность и многогранность человеческой природы, а также указывает на то, как социальные нормы и ожидания могут искажать восприятие индивидуумов. В итоге Автор использует модальность как инструмент для создания глубокой иронии, которая заставляет Читателя переосмыслить собственные моральные установки и представления о справедливости.

Заключение

Таким образом, можем сделать вывод, что ряд персонажей в коротких рассказах С. Моэма обладает явными чертами фармакоса: они изгои, жертвы, которых не принимает общество, их «изгнание» является ключевой темой, и все события в сюжете приводят к такому финалу. В этих сценариях смерть или нисхождение является традиционным и ожидаемым финалом. Повторяющееся использование архетипической структуры «жертвы / victim» поддерживает идентификацию образов «истинных» и «ложных» героев и персонажей-жертв. Однако эффект, который эти образы-персонажи производят на Читателя, отличается от классических сюжетов о жертвах. Прежде всего, нарушается традиционный образ «жертвы»: в то время как фармакос должен быть либо изгнан, либо убит, фармакос в рассказах С. Моэма восстает и торжествует над обществом. В сценариях с образами «ложных» фармакосов ирония только кажется направленной на жертву. В то время реальный объект иронической виктимизации – «истинная» жертва – раскрывается только через контакт с «ложным» образом жертвы. Категория иронической виктимизации С. Моэма дискурсивирует посредством стереотипов, либо архетипов, иногда смешивая и то, и другое. Стереотип предлагает наличие фоновой иронии, в то время как архетип «выдает» подсознательные ожидания Читателя.

В сценариях об «истинных» жертвах ирония Автора диссонирует с ожиданиями Читателя. Таким образом, Читатель становится на одну сторону с рассказчиком и провоцируется на эмоциональную реакцию. Здесь в полной

мере проявился великий талант С. Моэма как наблюдателя, поскольку лишь несколько намеков, расставленных по всему сюжету, способствуют глубокому психологическому изображению персонажей, вызывая у Читателя различные, но всегда сильные эмоции.

Иронические элементы могут быть введены в сценарии в любой момент, после чего они повторяются несколько раз. Эти элементы могут быть включены в качестве поворотного момента в конце, или они могут быть скрыты в рамках сценария, который раскрывается и направляется с помощью центральных или периферийных персонажей. Ирония может представлять собой простой и очевидный парадокс или может основываться на предполагаемых стереотипных ожиданиях читателей, воздействуя на них на подсознательном уровне. Жертвами иронии могут быть либо персонажи, либо читатели, либо оба одновременно.

Л и т е р а т у р а

1. Серганова Д.А. Модальность и текст: смещение акцентов в исследовании категории модальности. *E-Scio*. 2021;56(5):586-592.
2. Кузнецов С.А. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт Петербург: Норинт; 2000:1536.
3. Баранова Е.С. Тема-рематическая связность как импликация эмоционального концепта «ненависть» в произведении Сомерсета Моэма «Непокоренная». *Евразийский Союз Ученых. Серия: филология, искусствоведение и культурология*. 2021;87(6):3-5.
4. Баранова Е.С. Импликатура как единица дискурс-анализа в рассказе Сомерсета Моэма «Mr. Know-all». *Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция: Материалы Национальной научно-практической конференции ВСГУТУ, Улан-Удэ*. 2023:161-165.
5. Жамсаранова Р.Г. Макро- и микротемы в тексте рассказа Сомерсета Моэма *Rain*. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. 2022;8(2):12-21.
6. Походня С.И. *Языковые виды и средства реализации иронии*. Киев: Наукова думка; 1989:128.
7. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Эдиториал УРСС; 2004:571.
8. Арутюнова Н.Д. Дискурс. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: «Советская энциклопедия»; 1990:688.
9. Машаева А. Архетипический концепт и смыслоддержание: проблемы соотношения. *Проблемы современного мира глазами молодежи: Сборник трудов*; 2015:265-268.
10. Антонио И.А. Терминология комического в лингвистических исследованиях. Опыт интерпретации: Автореферат дис. ... к. филол. н. Москва; 2009:16.
11. Фомичева Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: Автореферат дис. ... к. филол. н. Санкт-Петербург; 1992:17.
12. Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: УРСС; 2007:113.
13. Франк Л.В. *Виктимология и виктимность*. Москва; 1975.
14. Muecke DC. *Irony and the Ironic*. London: Publishing House "Methuen & Co."; 1970.
15. Вишневская В.Д. К вопросу о статусе иронии. *Языковые средства выражения. Мир культуры: теория и феномены*. Пенза: 2002.
16. Northrop F. *Anatomy of Criticism*. Princeton: Princeton University Press; 1957.
17. Harper D. *Etymology Dictionary*. 2001. [Electronic resource] Available at: www.etymonline.com/index.php [Accessed 11 January 2025].
18. Maugham WS. *The world over: the collected stories*. London: The Reprint Society Publisher; 1954:729.

19. Stapel DA, Koomen W. When stereotype activation results in (counter) stereotypical judgments: priming stereotype-relevant traits and exemplars. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018;34(2):136-163. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022103197913469>. [Accessed 17 January 2025].

20. Maugham WS. Rain. New York: Pocket Books; 1942:305-355.

References

1. Serganova DA. Modality and text: shifting focus in emphasis in the study of the category of modality. *E-Scio*. 2021;5(56):586-592 (in Russian).

2. Kuznetsov SA. *A large explanatory dictionary of the Russian language*. Saint Petersburg: Norint; 2000:1536 (in Russian).

3. Baranova ES. The theme-rhema coherence as the implication of the emotional concept “hatred” in Somerset Maugham’s short story “The Unconquered”. *Eurasian Union of Scientists. Series: Philology, Art History and Cultural Studies*. 2021;87(6):3-5 (in Russian).

4. Baranova ES. Implicature as a unit of discourse analysis in Somerset Maugham’s short story “Mr. Know-all”. *Social and Humanitarian Sciences. Jurisprudence: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference of ESSUTM, Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management*; 2023:161-165 (in Russian).

5. Zhamsaranova RG. Macro- and microemes in the text of Somerset Maugham’s short story “Rain”. *Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2022;8(2):12-21 (in Russian).

6. Pokhodnya SI. *Linguistic facilities and types to express irony*. Kiev: Naukova dumka; 1989:128 (in Russian).

7. Akhmanova OS. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Editorial URSS; 2004:571 (in Russian).

8. Arutyunova ND. Discourse. *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Publishing House “Soviet Encyclopedia”; 1990:688 (in Russian).

9. Mashaeva A. Archetypal concept and semantic content: problems of correlation. In: *Problems of the modern world through the eyes of youth*; 2015:265-268 (in Russian).

10. Antonio IA. Terminology of the comic in linguistic research. Interpretation experience. Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Moscow: 2009 (in Russian).

11. Fomicheva JE. Intertextuality as a means of embodying irony in the modern English novel. Summary of Candidate’s dissertation (Philology). St. Petersburg: 1992:17 (in Russian).

12. Galperin IR. *Text as an object of linguistic research*. Moscow: URSS; 2007:113 (in Russian).

13. Frank LV. *Victimology and victimhood*. Moscow: 1975 (in Russian).

14. Muecke DC. *Irony and the Ironic*. London: Publishing House “Methuen & Co.”; 1970 (in English).

15. Vishnevskaja VD. To the question about the status of irony. Linguistic means of expression. *World of Culture and Culturology*. Penza: 2002 (in Russian).

16. Northrop F. *Anatomy of Criticism*. Princeton: Princeton University Press; 1957 (in English).

17. Harper D. *Etymology Dictionary*. 2001. [Electronic resource] Available at: www.etymonline.com/index.php [Accessed 11 January 2025] (in English).

18. Maugham SW. *The world over: the collected stories*. London: The Reprint Society Publisher; 1954:729 (in English).

19. Stapel DA, Koomen W. When stereotype activation results in (counter) stereotypical judgments: priming stereotype-relevant traits and exemplars. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018;34(2):136-163. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022103197913469>. [Accessed 17 January 2025] (in English).

20. Maugham WS. Rain. New York: Pocket Books; 1942:305-355 (in English).

Сведения об авторе

БАРАНОВА Евгения Сергеевна – аспирант ЗабГУ, преподаватель отделения общеобразовательных дисциплин Забайкальского института железнодорожного транспорта – ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», Чита, Российская Федерация, ORCID: 0009-0001-8928-5908, ResearcherID: rid102210

E-mail: evgeniya_chita@mail.ru

Information about the author

Evgenia S. BARANOVA – Postgraduate Student, Lecturer, Department of General Education Disciplines, Zabaikalsky Institute of Railway Transport (branch) of Irkutsk State Transport University, Chita, Russian Federation, ORCID: 0009-0001-8928-5908, ResearcherID: rid102210

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 20.02.25

Принята к публикации / Accepted 11.03.25